

Когда Тан Юйхуэй произнёс эти слова, в душе Кан Чжэ царило спокойствие. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы осознать сказанное — редчайший случай, ведь обычно он схватывал суть на лету. К счастью, Кан Чжэ давно носил маску отстранённости, которую не могли разрушить ни сталь, ни мёд. Он не сомневался, что и сейчас его лицо оставалось бесстрастным, а взгляд — невозмутимым. «Так я не причиню ему боли», — подумал он. Хотя без боли, разумеется, не обойдётся. В те несколько секунд, пока он пребывал в лёгком оцепенении, Кан Чжэ смотрел на лицо Тан Юйхуэя и медленно, спокойно размышлял: «Почему?»

У Тан Юйхуэя, без сомнения, были очень красивые глаза. Его детство никто бы не назвал счастливым, и всё же в его взгляде странным образом сохранилась та чистота, что бывает только у тех, кого безмерно любили. Красивого у Тан Юйхуэя было много — локти, колени, переносица... Наверняка не один человек терял из-за этого голову. Но выбирай Кан Чжэ, первыми бы он заметил глаза — и сразу бы от них отказался.

Иногда, глядя в эти два прозрачных озера, он видел в них своё отражение и думал, что это лишь иная форма зеркал. Эта мысль утомляла Кан Чжэ: словно он находился под постоянным, всепроникающим взглядом, и из-за этого ему не хотелось больше показываться на глаза.

С самого начала его странная, лихорадочная привязанность не вызывала в Кан Чжэ особых эмоций. Да и Тан Юйхуэю не нужно было так осторожно выражать свои чувства. Кан Чжэ не испытывал отвращения к обожанию, но и не ценил его. Он получал подобное слишком часто — настолько, что научился мастерски обращаться с этим. Но именно потому, что он не дорожил этим, даже редкие ответные жесты теряли ценность.

За эти несколько секунд Кан Чжэ успел ощутить растерянность, потрясение, затем — едва уловимую боль и усталость. Но вскоре всё это угасло, оставив лишь привычное, сросшееся с ним спокойствие, к которому примешивалось отстранённое удивление. Ведь Кан Чжэ знал, насколько обманчива внешность Тан Юйхуэя — тот выглядел невинным, по-детски наивным, ничего не понимающим, он был обладателем неуклюжей и пугающей отваги. Но Кан Чжэ знал, что на самом деле Тан Юйхуэй был очень, очень, очень умён и не мог не знать, чем закончится эта история.

Если бы можно было выбирать заново, Кан Чжэ непременно бы сел в кабинку фуникулёра. Он оказался бы вместе с Тан Юйхуэем в замкнутом пространстве, в котором так противился создавать общие воспоминания. Увидел бы те облака и золотые блики, которые, он знал, заставят Тан Юйхуэя распахнуть глаза от восторга. Или поцеловал бы его. Он мог бы даже вынести Тан Юйхуэя из кабинки и на глазах у незнакомцев поцеловать его в лоб в лучах заката. Ведь всё это было бы во много, много раз лучше, чем услышать прозвучавшие слова.

«Тан Юйхуэй ничем не лучше своих родителей, — холодно, отстранённо подумал Кан Чжэ. — Влюбился — и сразу поглупел». Кан Чжэ казалось, что в этот краткий миг Тан Юйхуэй будто вернулся в детство, где его никто не любил, и получил шанс выбрать заново. И недостаточно умный Тан Юйхуэй сделал неверный выбор. Он взял за руку новую игрушку по имени Кан Чжэ и покинул дом — возможно, большой и пустой, Кан Чжэ ведь его не видел, — словно больше ему ничего не нужно и ничто другое его не заботило.

На станции фуникулёра у подножия горы сердце Кан Чжэ билось ровно и спокойно. Он не придумал, как заставить Тан Юйхуэя закрыть глаза, поэтому просто перестал смотреть на него сам. Он мягко приложил ладонь к его затылку, слегка надавил и, почти резко, отстранился от этих глаз, прижав лицо Тан Юйхуэя к своей груди. Тан Юйхуэй услышал размеренное, неторопливое биение сердца и спокойные, сбивчивые слова.

— Тан-Тан, — позвал его Кан Чжэ. И медленно, растягивая слова, произнёс: — Я могу пройти с тобой лишь небольшой отрезок пути. Остаток тебе придётся идти одному. Я не смогу быть рядом.

Тан Юйхуэй поднял голову и посмотрел на Кан Чжэ. Тот уже не казался таким холодным, но оставался таким же гордым. Словно старший брат, с глубокой, но отстранённой нежностью Кан Чжэ спросил:

— Ты понимаешь?

Тан Юйхуэй почувствовал, что ему хочется плакать, но слёзы так и не потекли. Вместо этого он просто молча обнял Кан Чжэ.

Покинув Паомашань, они молча шли по улице. Тан Юйхуэю казалось, что он с каждой секундой теряет память о предыдущей. Вроде бы он думал о многом, а вроде — ни о чём. Кан Чжэ, шедший впереди, вдруг остановился и спросил:

— Прогуляемся?

Шляпу, которую Кан Чжэ до этого надел ему на голову, Тан Юйхуэй снял. Ему не хотелось её носить: он боялся её испортить, но и надевать снова тоже не желал. Для Тан Юйхуэя время замедлило свой ход. Казалось, и закат, и сам Кан Чжэ делали его заторможенным. Лишь спустя мгновение он ответил:

— Хорошо. А куда?

— Просто пройдемся, — сказал Кан Чжэ. — Ты голоден?

В отличие от Кан Чжэ, который прятался за диспетчерской и играл в телефон, Тан Юйхуэй провёл на солнце много времени. Он чувствовал, как пальцы начинают ныть. Он покачал головой и через несколько секунд добавил:

— Нет, не голоден.

Кан Чжэ мгновение смотрел на него, затем забрал шляпу, которую тот держал в руке, и снова надел ему на голову. Тан Юйхуэю показалось, что в Кан Чжэ проступила какая-то непонятная, едва уловимая печаль.

Казалось, Кан Чжэ действительно не способен на мягкость: даже эта крупинка почти человеческой грусти в нём не была важной. Скорее, она напоминала ржавое железо, больничные приборы или чёрную дыру — непроницаемую и безмолвную. «Это из-за моего неуместного признания или из-за того, что я снял шляпу?» — отстранённо подумал Тан Юйхуэй.

Поправив шляпу, Кан Чжэ снова заговорил:

— Тогда просто прогуляемся. Мне кажется, мы с тобой редко ходим пешком.

Тан Юйхуэй на секунду задумался — это и правда было так. Большую часть времени они

проводили на мотоцикле. Тан Юйхуэй совершенно естественно обнимал Кан Чжэ, а тот, если рядом никого не было, снимал его с мотоцикла.

По ровной широкой дороге Кан Чжэ шёл впереди. Тан Юйхуэй вздохнул с облегчением: он и сам не знал, как сейчас идти с Кан Чжэ плечом к плечу. Острая боль, похожая на укол иглы, расплзалась от кончиков пальцев. У Тан Юйхуэя начали болеть даже ногти. В оглушающей тишине это онемение копилось — и вдруг стало невыносимым. Тан Юйхуэй окликнул ушедшего вперёд человека, чей силуэт почти слился с закатом.

— А-Чжэ. Можешь меня подождать? — Тан Юйхуэй смотрел на залитое оранжевым светом шоссе и очень тихо произнёс: — Мне так хочется... взять тебя за руку на закате.

Если бы это не происходило наяву, Тан Юйхуэй, наверное, никогда бы не поверил, что закат может быть так причастен человеческой судьбе. Кан Чжэ подошёл и молча взял его за руку. Его рука была большой и очень грубой на ощупь. Прикосновение было горячим — совсем не таким, как представлял себе Тан Юйхуэй, воображая ледяные и гладкие руки божества.

Они шли молча. Прохожих было мало, но те, кто встречался, с любопытством поглядывали на них. Тан Юйхуэй немного подержал Кан Чжэ за руку и чувствовал, что можно отпустить. Но Кан Чжэ сжал его руку крепче, игнорируя чужие взгляды, и спустя время произнёс:

— Тан Юйхуэй.

Пальцы Тан Юйхуэя в его ладони едва заметно дёрнулись. Его рука была такой тонкой и белой, что почти полностью скрылась в руке Кан Чжэ.

— Если бы это зависело от меня... я бы не хотел, чтобы ты меня помнил, — спокойно и решительно произнёс Кан Чжэ.

Внезапно вся сцена показалась Тан Юйхуэю нелепой, а Кан Чжэ — нелогичным. Он незаметно сжал другую руку в кулак и почти растерянно спросил:

— Но как это возможно? — Он даже выдавил из себя улыбку. — Я ведь обычный человек, а-Чжэ.

Кан Чжэ замер. Его длинные и широкие пальцы легли между пальцами Тан Юйхуэя, готовые вот-вот сплестись в замок, но в последний момент он не приложил усилия, и этого не произошло.

— Когда ты уезжаешь?

Тан Юйхуэй поднял на него взгляд — растерянный и чуть печальный.

— Ещё несколько дней...

— Я знаю, — Кан Чжэ разжал пальцы, развернулся и встал против света, так что его лицо утонуло в тени. Его голос звучал низко и даже с нотками строгой, обретшей острую грань суровости. — Я имею в виду: ты ведь уедешь?

Это не было вопросом. В тоне Кан Чжэ слышалась безжалостность допроса, словно за эти несколько минут он пресытился тягучими уговорами и недомолвками. Кан Чжэ вообще редко задавал вопросы, а если и делал это, то искренности в его любопытстве было мало, ведь он, как правило, знал ответ ещё до того, как открывал рот.

Однако сейчас по лицу Кан Чжэ Тан Юйхуэй понял: тот был настолько жесток потому, что ему жизненно необходимо было добиться однозначного ответа. Тан Юйхуэю отчаянно хотелось спросить: «А-Чжэ, я тебе нравлюсь?», однако мука от того, что его ладонь опустела, породила в нём невиданный прежде ужас, который не дал ему сформулировать эти слова. «Я вовсе не бесстрашный», — осознал он с отчаянием, похожим на мольбу. Поэтому ему оставалось лишь произнести ответ, который, как он думал, хотел услышать Кан Чжэ, в надежде, что тот сжалится и отпустит его.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130187>